

БОМБА

ДЛЯ БАНКИРА

Юлия Латынина

Сазан

Юлия Латынина
Бомба для банкира

«ЭКСМО»

1995

Латынина Ю. Л.

Бомба для банкира / Ю. Л. Латынина — «Эксмо»,
1995 — (Сазан)

Бомба подготовленная для банкира, одноклассника Сазана, срабатывает преждевременно и убивает бухгалтера. Кто подложил бомбу. P.S. Бывший псевдоним Юлии Латыниной (Евгений Климович).

© Латынина Ю. Л., 1995

© Эксмо, 1995

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юлия Латынина

Бомба для банкира

Глава 1

В ясное весеннее утро 28 марта 199... года, возле особняка, занимаемого чешским посольством и отгорженным от неширокой улицы толстой белой стеной с раздвижными воротами и скучающим милиционером в будке, остановилась серая девятка. Из девятки высадился плотный, средних лет мужчина в элегантном однобортном костюме из кашемира, сидевшем на нем так же неловко, как на курице. Мужчина этот был Виталий Иванович Спицын, главный бухгалтер учреждения, разместившегося прямо напротив особняка. Учреждение же это было ни чем иным, как главной и единственной конторой небольшого коммерческого банка «Межинвест».

Главный офис «Межинвеста» располагался в хорошеньком трехэтажном особнячке, чьи бывшие обитатели, – жильцы многочисленных коммуналок, – уже три года как жили в отдельных квартирах на окраине Москвы, благословляя сноровку выкупивших дом прохиндеев. Сам же дом был завешан желто-белым полотном и отремонтирован турецкой фирмой. Теперь он привлекал внимание даже самого нелюбопытного прохожего бронзовыми решетками на окнах и светло-кремовой дверью, над которой дружелюбно тарачился на посетителей глазок телекамеры. А пуще всего, – невиданным зеленым ковром, расстеленным по тротуару на всем протяжении здания. Ковер этот с честью выдержал московскую зиму и теперь сверкал в лучах мартовского солнца.

Было уже восемь часов утра, и Виталий Иванович недоуменно покачал головой, не обнаружив у подъезда директорской машины и сопровождения: директор банка, Александр Шакуров обычно приезжал в офис раньше всех, да и вчера вроде было обговорено... Аккуратный бухгалтер запер руль железной кочергой, и двери, – особым ключом, проинспектировал их, подергав за ручки, и, поставив машину на охрану, неторопливо отправился по зеленому коврику к белой двери. Дверь была увенчана бронзовым на подкову похожим козырьком, и имела сбоку сверкающую табличку с названием банка, а также три или четыре таблички поменьше, с названиями всяких арендующих площадь контор.

Сбоку крыльцо оформляла бронзовая решеточка, и бронзовые же планки прижимали к ступеням зеленый ковер.

И тут Виталий Иванович заметил колоссальный беспорядок. На крыльце банка, облокотясь о решеточку, красовался поганый натюрморт, состоящий из полиэтиленового пакета, начиненного двумя банками пива Heineken, кожурой апельсина и обглоданным хвостиком воблы. То ли какой-то ночной прохожий не донес свою красоту до редкого в этих местах мусорного бака, то ли дневные охранники банка заболтались, уходя, с ночными сменщиками, и забыли свое сокровище.

Но даже этакий беспорядок в мироздании не привел бухгалтера в дурное настроение духа. У двери он еще раз обернулся, приветливо сделал ручкой милиционеру напротив (у фирмы имела негласная договоренность со скучающими охранниками посольства), обозрел веселым глазом разбитый, вдаль уходящий утренний переулок, на котором в два ряда дремали ряды коробкообразных «Жигулей», и топорщились где-то там, за разбитой чугунной оградой, чахлые липы детского скверика. Перед тем, как нажать на звонок, он примерился и спихнул ногой с крыльца мерзкий пакет.

Тут же что-то взвыло и грохнуло. Тонкие столбики крыльца подломились, мартовское утро осветилось каким-то новым светом, и последнее, что успел заметить Виталий Иванович в

своей жизни, был свет, от которого выгорала изнанка глазниц, и лак, вскипающий пузырьками на разорванном стальном ребре двери.

В серой девятке, отброшенной взрывом на другую сторону улицы, включилась сигнализация, и она страшно и тоскливо запела, словно пес, оставшийся без хозяина. Ошалелый же милиционер рвал с пояса рацию, матерясь и облизывая ладонь, пораненную осколком залетевшего в будку стекла, – собственные стекла будки были выбиты еще при Брежнев.

Спустя полчаса тихий московский переулок преобразился. Милицейские синеглазки слетелись, как стая грачей, к изуродованному подъезду, и двое медиков в белых халатах отскребывали с того, что было зеленым ковром то, что было бухгалтером Виталием Ивановичем. Редкие в этот час прохожие с любопытством вытягивали лица, пытаясь заглянуть за веревочный кордон. За кордоном толклись милиционеры со злыми глазами, и у самой веревки, прислонившись к длинному и похожему на совок капоту новенького «Мерседеса», рыдал директор банка, тридцатилетний Александр Шакуров.

Лейтенант МУРа Сергей Тихомиров, недавно назначенный в отдел по расследованию взрывов, вместе со своим помощником, Дмитриевым, возились у двери, или, вернее, от того, что от нее осталось.

– Пакет, – орал напротив них охранник из будки, – пакет тут стоял на крыльце, банка хенекена, – а он его, значит, ногой... – Аккуратный человек был бухгалтер, – заметил Тихомиров, – другой бы на его месте не стал чужого дерьма трогать.

Взвизгнули тормоза. Сергей Тихомиров повернул голову и увидел остановившийся у веревочек орехового цвета «Вольво». Чуть подальше, с неторопливым сознанием собственного достоинства, тормозили два молочно-белых «Ренджровера», в которых американские обыватели ездят по плохим дорогам, а российские мафиози – на боевое дежурство. Машины остановились, и из них согласованно высадились пятеро спортивного вида парней, большую часть в джинсах и камуфляже. Из «Вольво» же вышел человек лет тридцати, в безупречном костюме от Версаче, в светлом плаще, с бесовскими глазами цвета пепси-колы, и рыжим, торчащим вверх чубом.

Человек из «Вольво» отстранил подвернувшегося под руку мента и подошел к рыдающему директору банка. Руки его как-то лениво перекатывались вдоль бедер, и на мгновение Тихомирову показалось, что по мокрому московскому асфальту скользит красивая кобра в дорогом заграничном сукне. Человек обнял Шакурова и похлопал по плечу. Шакуров тотчас же уцепился за рукав рыжего, перестал рыдать и начал лопотать, полубессвязно и горячо:

– Пробка... – говорил он, – пробка у кольцевой... Это ведь меня... Тут рыжий обернулся и увидел, что к ним подходит новый начальник.

– Посторонних попрошу удалиться, – ломающимся от злости голосом сказал лейтенант Тихомиров. Глаза его, чайного с искрой цвета, горели нехорошим огнем. Дмитриев дернул его в испуге за рукав.

– Я не посторонний, – мягко возразил рыжий, – я друг.

– Это ж сколько стоит твоя дружба, Сазан, – осведомился лейтенант, – тридцать процентов прибыли или как?

Сазан брезгливо улынулся. Один из прибывших с ним молодых людей покрутил у виска и, ни к кому особенно не обращаясь, заметил:

– Оборзел начальник.

Люди Сазана, оттеснив ментов с места происшествия, щелкали камерой и обсуждали мусор у крыльца. Чизаев, окончательно деморализованный техническими характеристиками камеры в руках одного из новоприбывших, без звука снял со штатива свой собственный аппарат и уступил место прыщавому юнцу в кожаной куртке. Тихомиров, в старых джинсах и нестиранном вторую неделю свитере, затрясся.

– Вон, – заорал он, – с места происшествия!

Директор банка уже перестал плакать. Он с тревогой посматривал то на Сазана, то на милиционера, и ему было видимо не по себе от боевитости нового лейтенанта.

– Слушайте, – сказал директор, – они же вам не мешают... – Я не допущу, чтобы организаторы преступления занимались его расследованием.

Два десятка ушей оборотились в сторону нового начальника.

– Слушай, мусор, – мягко сказал Сазан, – ты не рано решил, что это моя работа? Это не моя работа. А что из этого вытекает? Из этого вытекает, что я тоже хочу найти этого шутника.

– И что же ты с ним сделаешь, найдя?

Сазан озадачился. На лице его изобразилось детское недоумение.

– Ну что же я смогу с ним сделать, – жалобно сказал Сазан. – я же не присяжный заседатель... Ничего не сделаю, яйца повыдергаю и скажу, что так и было.

Спутники Сазана одобрительно прыснули.

– Не надо нам с тобой, мусор, ссориться, – продолжал Сазан, – ведь тебе это дело важно для галочки, а мне будет неприятно, если станут говорить, будто я подвожу друзей. Вот и выходит, что у нас одна и та же цель.

– Не думаю, Сазан, – проговорил лейтенант, – что у нас с тобой одна и та же цель.

– Это почему?

– А ты сам сказал, что не можешь допустить ущерба своей репутации. Поэтому ты заинтересован в том, чтобы повыдергать яйца у первого подходящего кандидата. Я же заинтересован в том, чтобы найти настоящего преступника. Кроме того, помнится мне, УК Российской Федерации пока не предусматривает такой меры, как выдиране яиц.

– Ну-ну, – процедил рыжий, и повернулся к своей машине.

– Валерий, куда же ты! – отчаянно закричал директор.

– Ты что, не вникнул, что сказал гражданин начальник, – пропел с ухмылкой рыжий, – он твой защитник, а я нетрудовой элемент. Из-за таких, как я, гибнет страна и терпит крушение народное хозяйство.

«Вольво» плавно тронулся.

– Да не я же вызвал милицию, – вопил потерявшийся директор, хватаясь за дверцу и поспешая за автомобилем.

– Созвонимся, – бросил из окна рыжий.

– Сазан, Сазан! – беспомощно кричал молодой директор и махал руками посередине проезжей части. Ореховый «Вольво», сопровождаемый «Рейнджроверами», завернул за угол и исчез.

Лейтенант Тихомиров некоторое время стоял, кусая губы, а потом забрался в старый милицейский «Москвич» и поехал по улице. Отъехал он, впрочем, недалеко. Через двести метров, на перекрестке, красовалось 113 отделение связи. Отделение ютилось во дворе полуразвалившегося дома, и в нем заканчивался ремонт. Рабочие вставляли в окна тяжелые цветные стекла, и на асфальте лежала доходчивая надпись: «Интим». Рядом прилепился круглосуточный киоск, изготовленный из лучшей танковой брони и заставленный заграничными сигаретами и спиртным.

Сергей выбрался из машины и постучал в окошечко киоска. Окошечко отворилось, и оттуда выглянула симпатичная девица с льняными волосами. Сергей, по внезапному наитию, побарабанил по стеклу напротив баночки Heineken.

– Две штуки, – сказал он.

Девица выдала ему пива в обмен на горстку мятых милицейских рублей и стала задерживать окошечко.

– Вы тут всю ночь были? – спросил Сергей, попридержав окошко.

– Ну?

– А можете припомнить, кто тут ночью проходил?

– А вам-то чего?

Тихомиров молча показал девице свое удостоверение.

– Это что там, – ткнула пальцем девица, – ихний банк ограбили?

– Кто-нибудь проходил мимо вас к банку, или обратно?

– Не-а, – сказала девица. – Охранник ихний тут был.

– Когда?

– Да часа в четыре.

– Чего он хотел?

– А, дурью маялся, – сказала девица. – с собой звал.

– А вы?

– Жирный он, – сказала девица, – не люблю жирных.

– И сколько он с вами беседовал?

Глаза девицы вдруг сошлись в одну точку.

– Слушай, – заявила она, – купил на трояк, а наговорил на червонец. Не мешай работать!

Тихомиров оглянулся и увидел за спиной квадратного молодого человека в тренировочном тайваньском костюме и тяжелых десантных ботинках.

– Пивом интересуетесь, товарищ лейтенант? – спросил парень. Наклонился к окошечку, подмигнул девице и сказал:

– Дай-ка мне, Люба, вон ту пузатенькую.

Спусти минут сорок, обойдя все окрестности и крепко поругавшись с владельцем ночного бара, Сергей вернулся к банку.

Прохожих на улице становилось все больше, начинался дождь, небо над городом было цвета бетонного забора.

Милицейские машины понемногу разъезжались, увезя с места взрыва все, что их интересовало, и уже два хмурых слесаря, вызванных директором, нетерпеливо посматривали на милиционеров у порога, – дескать, хватит щепки собирать, пора и дверь ремонтировать.

Прямо в проеме двери на стремянке стоял молодой человек в потертых джинсах и сером свитере: он рассматривал какую-то козявку на потолке. Сергей сообразил, что это остатки поврежденной взрывом фотокамеры, и что скорее всего банк фотографировал всех входящих.

Сергей протиснулся вдоль стремянки и вошел внутрь.

Пять или шесть ступенек покрытой ковром лестницы вели в широкий холл. Наверху лестницы стоял стол для охраны, два стула и шикарный кожаный диван, на котором, вероятно, располагались посетители в ожидании пропусков. Сейчас на диване сидел охранник банка. По случаю ночной смены он выглядел не очень презентабельно, – в старых тренировочных штанах и фуфайке с надписью «Motorola-90». Рядом с охранником сидел один из оперативников. Сергей поманил охранника пальцем и завел в первый попавшийся кабинет с глухо задернутыми шторами и молчащими компьютерами на белых столах.

Сергей усадил охранника в вертящее кресло, вынул из кармана куртки банку с пивом и показал охраннику.

– Видишь? – сказал Тихомиров.

– Ну, пиво.

– Вот бухгалтера вашего убило такой банкой. Кто-то оставил ее у крыльца.

– Ничего я не видел, – сказал охранник.

– Это ты для милиции ничего не видел, а для своего шефа?

– Я внутри сижу, я что, вижу, если кто-то мимо идет? Это пусть этот, из посольской будки, смотрит.

– А почему ты бухгалтеру не открыл? Ты же должен был слышать, как остановилась машина?

– Я пошел открывать, – во, задницей о стол ушибло.

– Значит, ничего не видел, ничего не слышал, ничего не скажешь?

– Не-а.

– А я вот кое-что слышал.

Охранник исподлобья уставился на мента.

– Слышал, что ты в четыре утра приставал к девице в ночном киоске.

– Ну?

– А как ты думаешь, если Сазан узнает, что ты по ночам отлучаешься самовольно от вверенной тебе территории, – что он с тобой сделает?

Тихомиров схватил охранника за шиворот.

– Я ведь забрать тебя могу за эту ночную прогулку! Я тебе такое понапишу! Я девицу говорить заставлю, что ты ей пистолетом угрожал! Я тебя в ИВС посажу, а ты будешь просить, чтобы тебя не выпускали, потому что в изоляторе тебе будет веселее, чем перед Сазаном.

Тихомиров выпустил охранника, и тот кочаном сел на стул.

– Я правда ничего не видел, – закричал охранник, – сдохну, если вру!

– Когда ты вернулся в банк?

– В 4:30.

– Стояла эта банка у подъезда?

– Не.

– А если бы стояла, ты бы поднял?

– Не знаю. Спицын, он аккуратный человек. Бухгалтер, – одно слово.

– Кто обычно первым приезжает в банк?

– Директор. Шакуров.

– С охраной?

– С водителем. Плевал он на охрану. У него Сазан есть.

Подумал и добавил:

– Теперь, наверно, будет ездить с охраной.

– А если бы Шакуров приехал первый, он что, стал бы трогать эту банку?

– Ну, а если б водитель поднял, а Шакуров бы рядом стоял, – сказал неуверенно охранник, – какая разница?

Разница вообще-то была небольшая.

– А может, и не стали бы ее трогать, – задумчиво сказал охранник, – может, Сазана бы позвали.

После этого содержательного разговора Сергей поднялся на второй этаж по белой, как лист финской бумаги, лестнице, и прошел через пустой еще предбанник в кабинет Шакурова.

Кабинет был невелик – с пластиковыми столами и белыми пупырчатыми стенами. На стенах висели картины, сильно напоминающие изображение в телевизоре со сбитой настройкой. Из-за шкафа в закутке выглядывало рыло ксерокса, а сбоку от директора стоял открытый, но не включенный ноутбук. Шакуров пил кофе и говорил по телефону. Речь шла о некоем разрешении антимонопольного комитета на приобретение более тридцати процентов акций какой-то компании. Компания производила мягкие игрушки по японской лицензии. Банкир говорил вполне связно. Лицо его было цвета парадной лестницы. Перед Шакуровым лежала бумага с печатью и подписью, и непотушенная сигарета «Кент» уже выжгла на бумаге основательную дырку. Шакуров сигареты не замечал.

Кончив говорить, банкир досадливо отставил чашку с кофе, махнул рукой и, поднявшись, пересек комнату. Он забрался за ксерокс, достал початую бутылку светло-коричневого коньяка и два пластмассовых стаканчика. Один стаканчик он выпил сам, другой протянул милиционеру:

– Вот, – сказал банкир, – праздновали вчера. Держите.

– На работе не пью.

– Ах да. Конечно, для вас это работа, а для меня, знаете, не совсем обычное происшествие.

– Это как сказать. По-моему, деловым людям уже пора привыкнуть к таким вещам. Это уже часть их работы. Два месяца назад на Пятницкой был, например, очень похожий взрыв. Концерн «Таир».

Тут банкир наконец заметил сигарету и с досадой ее раздавил. Потом вынул новую, зажег, спохватился и предложил пачку Сергею. Сергей сигарету взял.

Банкир курил нервно, часто стряхивая пепел, и в конце концов опять раздавил сигарету и принялся за коньяк. Это был довольно красивый молодой человек с круглым, как лист лопуха, лицом, припухлыми чувственными губами и неожиданно твердым подбородком. Костюм его был безукоризненно свеж: еще на улице, когда банкира водили к труп, Сергей заметил, что тот очень старался не испачкаться о своего изодранного бухгалтера. И не испачкался. Сергей сел в удобное вертящееся кресло, располагавшееся напротив директорского стола, положил ногу на ногу и спросил:

– Вы подозреваете кого-нибудь в устройстве этого взрыва?

– Ума не приложу.

– Вы получали в последнее время угрозы, предупреждения? С вас требовали денег?

– Нет.

– Сколько вы платите Сазану? Тридцать процентов? Пятнадцать?

– Какому Сазану?

– Вашему приятелю, который приезжал только что.

– Я? – в голосе Александра Шакурова зазвенела насмешка. – Помилуйте, с чего вы взяли? Я честный российский предприниматель и плачу семьдесят процентов налогов. Если я буду платить еще целых тридцать процентов бандитам, мне не на что будет давать взятки, которые я раздаю ежедневно, из любви к трудящейся бюрократии, как говорят аналитики из пивнушек.

Сергей сильно сомневался, что банкир платит семьдесят процентов, но решил не заострять на этом внимания и спросил:

– И отчего же Сазан принимает в вас такое горячее участие?

– Помилуйте, – сказал банкир, – мы старые приятели. Сидели за одной партой и учились в одном МАДИ.

– Значит, – с насмешкой спросил милиционер, – между вашей фирмой и вашим приятелем царят не обычные деловые отношения. А, скажем так, близкие и сердечные связи. И Сазан посвящен в дела фирмы куда лучше, чем это водится с обычными рекетирами, – а вы – вы, может быть, лучше посвящены в его дела?

Банкир встревожился.

– Я вовсе не это хотел сказать.

– Вы никогда ничего не платили Валерию Нестеренко?

– Фирма Валерия несколько раз осуществляла аудиторскую проверку нашей компании. Могу вас заверить, что это делалось на самом высоком уровне. У Валерия работают первоклассные специалисты, и мы платили им соответственно.

– И когда же была последняя проверка?

– Месяц назад.

– Надеюсь, ее результаты никак не отразились на вашей сердечной дружбе с Нестеренко?

– Не понимаю, о чем вы.

– О том, что если бы вы попытались скрыть от Сазана часть доходов банка, и первоклассные аудиторы Сазана обнаружили бы это, вам бы сильно влетело.

– Не влетело же, – тупо сказал банкир.

Сергей усмехнулся. Рука банкира задрожала, и он опрокинул пластмассовый стаканчик.

– Не поите коньяком компьютер, – сказал Сергей.

Банкир махнул рукой.

– А скажите, Александр Ефимович, кто бы, в случае вашей смерти, сидел бы сейчас за этим столом?

– Вероятно, мой заместитель – Лещенко.

– Он давно у вас?

– Недели три.

– Тоже приятель Сазана?

Банкир молчал.

– Или, может быть, он отбывал срок вместе с Сазаном?

По страшно побелевшему лицу банкира Сергей вдруг понял, что угодил в точку. Сергей укоризненно покачал головой и сказал:

– Как же так, Александр Ефимович! Месяц назад Сазан перетряхивает вашу фирму, через неделю навязывает своего человека, сегодня у подъезда взрывается бомба, – и вы бежите за Сазаном, как гусенок за мамой?

Хорошенькая секретарша просунула головку за дверь и спросила:

– Мюльхаймер просит подтвердить, придете ли вы сегодня на ужин?

– Да, – сказал банкир.

Секретарша затворила дверь. Банкир задумчиво глядел на милиционера. Было заметно, что он впервые заподозрил, что перед ним человек, а не диктофон. Было также ясно, что он не расположен беседовать ни с человеком, ни с диктофоном.

– Значит, – сказал Сергей, – угроз вы не получали и разногласий с Сазаном не имели?

– Нет.

– Происшедшее очень потрясло вас?

– Конечно. Ведь обычно первым являлся сюда я.

– Что вас задержало сегодня?

– Пробка. Пробка на Киевском шоссе, километрах в двух от окружной.

– В чем было дело?

– Ремонтировали мост через окружную. Они стогнали машины через съезд на окружную, а потом милиционер разводил потоки.

– И когда начался ремонт?

– Сегодня. Я ничего о нем не знал. Я сидел в машине и злился, как еж в бутылке.

– Вы часто ездите по Киевскому шоссе?

– Да, я построил дом в Соколове.

– Вы осмотрительный и методичный человек. Неужели вы или ваша охрана не видели щитов, предупреждающих о начале ремонта?

– Что вы хотите сказать?

– Посудите сами, Александр Ефимович. Когда у дверей банкиров взрываются бомбы, они обычно имеют достаточно точное представление, кто подложил эти бомбы. Вы утверждаете, что происшедшее явилось для вас большой неожиданностью. Я вам верю. Почему? Потому, что, если бы вам кто-нибудь угрожал, дело бы решилось не бомбой, а перестрелкой между угрожавшим и людьми вашего дорогого, то есть дорогостоящего друга по кличке Сазан. Прием как рабочую гипотезу ваше же утверждение о том, что вам никто не угрожал. В таком случае остается только две правдоподобных версии. Первая: был убит именно тот человек, которого хотели убить. В таком случае пробка на дороге – это всего лишь попытка обеспечить себе алиби, не очень, впрочем, основательное. Ведь пробка была вызвана не аварией, а ремонтом. А предупреждения о ремонте вы или ваши охранники должны были заметить заранее. Но это всего лишь предположение. И, если оно несправедливо, остается вторая версия. Вы сами сказал мне, что Валерий Нестеренко – ваш школьный приятель и что в вашей фирме он значит

очень многое. На ключевых постах вашей фирмы – люди, рекомендованные Нестеренкой. Это значит, что в случае вашей смерти Нестеренко получил бы полный контроль над фирмой.

Банкир побелел еще больше.

– Вот такие две версии первым делом приходят на ум. Какая из них вам кажется правильной?

Банкир молчал, и глаза его от тоски были большие, как блюдца.

– Я понимаю, Александр Ефимович, – вам кажется, будто Сазан делает исключение для своего школьного приятеля. Вы ошибаетесь: сазаны не делают исключений. Я понимаю, что все охранники вашей фирмы – от Сазана, и вам страшно думать, что бомбу подложил, вероятно, один из людей, который сейчас караулит у входа.

Банкир молчал.

– Кстати, у вас над дверью висела телекамера. Как я понял, вы делаете снимки всех посетителей банка. Вы не могли бы мне их дать?

– К нам приходят уважаемые люди. Зачем их снимкам лежать в милиции?

– А зачем вы фотографируете уважаемых людей, если это только уважаемые люди?

– Уйдите, ради бога, – сказал банкир. – Что вы меня мучаете, если вы такой умный?

Сергей встал.

– Хорошо, Александр Ефимович, я сейчас уйду. И я хочу, чтобы в мое отсутствие вы подумали о своем положении и о том, насколько ваша смерть была выгодна вашему приятелю. Вот и поразмыслите, с кем сотрудничать: с теми, кто хочет раскрыть преступление, или с теми, кто хочет его довести до конца.

Когда Сергей сходил по парадной лестнице, двое слесарей уже ставили новую сейфовую дверь, обманичиво покрытую кремовым деревом. Возле двери маялся грузный человек с беглыми глазами лагерника: вероятно, это и был Лещенко. Молодого человека, вздохавшего над телекамерой, уже не было. Сергей поинтересовался у охранника:

– А такой, с усиками, в свитере, – он где?

– Вторая комната налево.

– Как его зовут?

– Митька Смирной.

Сергей прошел во вторую комнату налево.

– Простите, – сказал он, – Александр просил меня зайти к некоему Дмитрию и взять фотографии посетителей. Дмитрий – это вы?

Сергей действовал наугад. Если парень копался в разбитой аппаратуре, это еще не значило, что он ей заведовал. Но Дмитрий вздохнул, открыл шкаф и обреченно спросил:

– Все?

– Все. Я верну их к вечеру.

Дмитрий молча сунул ему в руки черный портфель.

Наверху, в белом кабинете с ореховыми столами, стоял у окна Александр Шакуров, глава «Межинвестбанка», и бессмысленным взглядом смотрел на беспорядок у подъезда. Лучше, чем кто бы то ни было, Александр понимал, что проклятый мент угодил в точку. Аудиторская проверка Сазана вышла Шакурову боком. Если бы речь шла не о школьном приятеле, то трудно сказать, где бы были сейчас Шакуров и его банк. Но Сазан согласился, что это «просто ошибка», а потом поглядел на друга и сказал: «За ошибки надо платить. Возьми к себе Лещенко, чтобы больше таких ошибок не было».

И, что самое главное, – Александр Шакуров был убежден в компетентности своего друга. Люди Сазана не могли не заметить подготовки к покушению и слежки. Значит, слежки не было. Значит, бомбу подложил тот, кто и так хорошо знал распорядок дня Шакурова. А единственные, кто хорошо знал распорядок дня Шакурова, – были его же собственные охранники. «Вот

и поразмыслите, с кем вам стоит сотрудничать, – с теми, кто хочет раскрыть преступление, или с теми, кто захочет его довести до конца».

Зазвонил телефон. Александр снял трубку и услышал голос Сазана:

– Сашок? Ты еще не проголодался? Отобедаем в «Соловье», в пол-первого.

Дмитриев ждал лейтенанта на улице, в машине, и с неприязнью наблюдал за двумя спортивного вида парнями, стоявшими в проеме раскрытой двери. Парни приехали вместе с Сазаном, но милиция была вынуждена их пустить, потому что они предъявили удостоверения охранников банка.

Сергей сел в машину.

– Нашли трех прохожих, – сообщил Дмитриев, – все проходили близ крыльца в последние полчаса. Все подтверждают, что на крыльце стоял пакет с мусором. Вроде бы там была шкурка от банана, косточки какие-то, и две или три жестяные банки. Одна старушка сказала «жестяная банка», другая говорит, – просто консервная банка, а охранник посольства утверждает, что это было пиво «Хенекен». Видимо, прав охранник: у него и глаза внимательней, и потом, он их натер об этот мусор, пока в скучал в будке. Очень много взрывчатки, – преступник, видимо, рассчитывал убить не только того человека, который трогал пакет, но и любого, кто находился в радиусе трех-четырёх метров. Даже, может быть, сидел в машине.

– А как пакет попал на крыльцо, он не видел? – кивнул на посольскую будку Сергей.

– Он сменился в семь пятнадцать, и мусор уже валялся на крыльце. Поднимать он его, конечно, не стал, не его это дело – чистить мусор.

– А напарник его где?

– Напарник живет в Бирюлево, а телефона у него нет.

– Поехали в Бирюлево, – сказал Сергей.

В Бирюлево милиционерам открыла настороженная женщина: из ванной доносилось скворчание элетробритвы, и в кухне орал голодный ребенок.

Сергей показал свой пропуск и сказал:

– Я к Федору Шадко.

Электробритва смолкла, и Шадко вышел из ванной, со свежей царапиной на щеке и в круглых очках. Он не спал после дежурства, – значит, спал во время дежурства.

– Добрый день, – сказал Сергей, и опять показал свой пропуск. – Вы ночью дежурили у чешского посольства?

– Да.

– Напротив ворот посольства находится головной офис банка «Межинвест», – вы не заметили ничего подозрительного?

– Нет, – ответил милиционер.

– Между четырьмя и семью пятнадцатью утра к двери банка положили пакет с мусором. Вы видели, кто это сделал?

Милиционер заколебался. Судя по всему, банк платил ему за присмотр, и теперь Шадко размышлял, входит ли в условия оплаты обязательство молчать перед милицией.

– Гм, – сказал Шадко, – пакет я видел.

– А кто его оставил?

– Не знаю... А вот... – стучались к ним в пять утра.

– В пять?! Кто?

– Не знаю, парень какой-то чернявый.

Потом подумал и добавил:

– Он вроде как шел к банку, я решил, что это почтальон. Знаете, со скоростной почтой.

– Вы когда-нибудь видели почтальона в пять утра?

Шадко безумно удивился.

– И верно, – сказал милиционер, – не видел!

– Вы могли бы его описать?

Охранник насторожился.

– Парень, – снизу джинсы, сверху свитер, – а чего еще сказать?

– Вы его видели раньше?

– Нет, – уверенно заявил Шадко.

Сергей вытащил из кармана бумажник, а из бумажника – фотографию своей семилетней дочки. Затем протянул руку и снял с носа Шадко очки.

– Это он? – осведомился Сергей, держа карточку на расстоянии одного метра от носа охранника. Тот немедля потянулся глазами к карточке, но Сергей прикрыл ее рукой.

– Вы были без очков? – спросил Сергей.

Шадко хлопал глазами. Сергею уже все было ясно. Охранник спал и поэтому был без очков. Ранние шаги разбудили его, он выглянул из будки, но забыл одеть очки и вообще не мог удивиться чему бы то ни было, ибо не знал, это уже явь или еще сон.

– Как же вы могли узнать или не узнать его без очков? – с насмешкой спросил лейтенант. Вы же без очков на таком расстоянии не отличите корову от самосвала.

– Я вам что, андропов, за такие деньги да ночью не спать? – сказал Шадко.

Когда они спускались вниз, Дмитриев любопытствовал:

– У него что на плечах-то? Ведерко со стиральным порошком? В пять часов какой-то любитель чистоты выносит к двери банка пакет с мусором, а он спит и видит интересные сны!

– Расспроси местных жителей, – сказал Сергей, – может, кто-то чего-то видел.

– Это в пять утра-то?

– Поищи бегунов и собачников. Они часто выгуливают собак рано.

– А девица в ларьке?

– Никого она не видела, кроме банковского охранника, который ушел с поста. Думаю, Сазан ему сейчас мозги вправляет за эту отлучку.

– А бар там какой-то... – Ага, – поддержал Сергей, – сходи в бар. Хозяин тебя отлично накормит и сообщит тебе все приметы подозреваемого, – и это будет человек, который увел у него на прошлой неделе выгодную сделку.

Они вышли из облупившейся пятиэтажки. Дом выходил торцом к грязно-серой улице, и на газоне, разделявшем заасфальтированную площадку у подъезда и тротуар, лежали кучки черного снега и оттаявший прошлогодний сор. Посередине улицы, звеня, останавливался трамвай. Возле трамвайной остановки на рекламном щите молодой человек курил «Lucky strike». Молодой человек весь до самой макушки был забрызган грязью, и, наверное, поэтому не внушал особого желания курить «Лаки страйк». В гастрономе напротив во всю витрину красовался огромный двухметровый пакет молока. Выходцы из трамвая завистливо озирались на коммерческие киоски и покорно текли от трамвайной остановки к стеклянной двери гастронома.

– Смотри! – вдруг сказал Дмитриев.

Когда трамвай отъехал, стало видно, что за ним стоит ореховый «Вольво». Машина деликатно помигала указателем поворота и переехала через пути. Два или три автомобиля на встречной полосе шарахнулись от нее в разные стороны. Вольво мягко перевалился через газон, проехал несколько метров и остановился у дома.

Дмитриев, бывший, в отличие от Сергея, в форме, первым подошел к машине.

– Нарушаете, – сказал он, – товарищ водитель. Ваши права.

Человек, сидевший в машине, молча протянул ему корочку. В корочке вместо прав лежало двадцать долларов. Сергей заглянул в машину.

– Мы уже сегодня встречались с вами, – заметил он.

– А, это ты, мент. Проворный.

– Выйдите из машины, – приказал Сергей.

– За что?

– За нарушение правил дорожного движения и попытку подкупа должностного лица при исполнении служебных обязанностей.

Сазан молча хлопнул дверцей. В отличие от своих людей, предпочитавших спортивные костюмы и раздолбанные моторы краденых «Мерседесов», он был одет очень хорошо, в двуборный светло-серый костюм, и из-под пиджака деликатно высывалась белейшая манишка.

– Назад, – сказал Сергей.

Сазан послушно сел на заднее сиденье.

– Вы бы еще наручники мне надели, – сказал он.

– Ша у тебя из кармана выну и надену, – пообещал Сергей.

Ехали молча. Уже в центре, у гастронома на Смоленской, Сергей приметил свободное местечко и сказал Дмитриеву:

– Остановись.

Дмитриев остановился. Сергей ушел в магазин и через некоторое время вернулся с двумя буханками хлеба, кефиром и молоком, а также бумажным свертком, в котором сиротливо прятались двести грамм голландского сыра.

– Проголодался? – спросил Сазан.

Сергей было как-то неловко говорить бандиту в костюме от Версаче, что продукты просила купить жена, и что не далее как вчера в двухкомнатной квартире Сергея на Войковской состоялся грандиозный скандал по поводу еды, квартплаты, Сергея в частности и хамства всех мужиков вообще. Поэтому лейтенант подоткнул кефир под сиденье и сердито бросил Дмитриеву:

– Поехали.

– Слушай, мент, – сказал Сазан, когда они отъехали, – у меня к тебе предложение. Ты проголодался и я проголодался. Ты меня отпустишь по-человечески, и мы сейчас посидим вместе в «Янтаре». И я расскажу тебе кое-что.

– И часто ты завтракаешь с милиционерами?

– Нет, – отозвался Сазан, – иногда я им плачу, но завтракать я с ними не завтракаю. Ты будешь первый.

– «Янтаре» – это где в прошлый вторник застрелили троих черножопых? – поинтересовался Дмитриев.

– Ага, – сказал сзади Сазан.

– Тебя там в это время, конечно, не было? – спросил Дмитриев.

– Не.

– У него алиби, – сказал Сергей, – он в это время грабил склад с ураном в Челябинске-семнадцатом.

Через десять минут Дмитриев остановил машину у «Янтара».

Сазан и Тихомиров вышли из машины и поднялись вверх по широким бетонным ступеням к бывшей советской «стекляшке», чьи прозрачные стены были теперь наглухо занавешены коричневыми бархатными шторами, и где у дверей маялся привратник в костюме джентльмена и с лицом бандита.

Они выбрали столик в углу. Сазан щелкнул пальцами, подзывая официанта, и сказал:

– Как обычно, для двоих.

Официант поклонился, недоуменно посматривая на спутника Сазана. «Крутой парень», – подумал про себя официант, профессиональным взглядом отметив вытертые коленки джинс и припухлость под свитером, происходящую от висящей под мышкой кобуры.

– Я навел о тебе справки, – сказал Сазан, когда официант отошел.

– Это хорошо, – согласился Сергей, – если бы у моего приятеля взорвали офис, я бы первым делом наводил справки о тех, кто мог это сделать. Если ты стал наводить справки обо мне, стало быть, кто взорвал офис, ты знаешь и так.

– Ты чего делаешь в милиции?

– Я охраняю порядок.

– Простите меня, Сергей Александрович, но работать в милиции, чтобы охранять порядок – это все равно что служить в борделе, чтобы сохранить девственность.

– Тебе, как владельцу борделя, виднее.

Сазан пожал плечами и сказал:

– Все для блага человека и для полноценного отдыха работников фирмы.

Помолчал и добавил:

– Я этой бомбы не подкладывал.

– И на Пятницкой тоже не подкладывал, да?

– Чего? – удивился Сазан.

– Концерн «Таира», – напомнил Сергей. – Ты разорил его, вместе с тремя тысячами вкладчиков.

– «Таира?» – сказал Сазан, – а, это которые брали с людей пять миллионов и обещали через два года автомобиль? Сергей Александрович, мне стыдно за вас! Эти люди испарились бы ровно через шесть месяцев! Кто-то отнял награбленное и прикрыл деятельность обиравшей людей конторы раньше, чем это сделала подкупленная инспекция... – Похвальная благотворительность. Для окончательного завершения образа Робин Гуда этому кому-то, конечно, следовало вернуть деньги разоренным старушкам.

– Сергей Александрович! Тот, кто зарывает свои деньги на поле чудес в стране дураков, должен быть бит, и бит крепко. Считайте, что этих людей научили уму-разуму.

Помолчал и добавил:

– Чего вы мне шьете дело? У меня есть репутация, и я не хочу этой репутацией рисковать. И я среди своих версий, буду, например, рассматривать и такую: человек, который подложил бомбу к «Межинвесту», намеревался уничтожить этой бомбой мою репутацию.

– Что значит репутация? – уточнил Сергей.

– Репутация о том, что со мной можно иметь дело. Что я не режу сейфы автогенном, а охраняю людей.

– Это хорошо, что ты охраняешь людей. А чем же в таком случае занимается милиция?

– Милиция? – в глазах Сазана вспыхнули веселые огоньки. – Ай-яй-яй, Сергей Александрович, – хотите сделать из меня стукача, да еще на родную милицию?

Сазана покачал головой. Некоторое время он сидел неподвижно, как кошка у шкафа, под которым бегают мышь, а потом вдруг заговорщически вытянул палец и прошептал:

– Ладно. Могу показать.

Сергей оглянулся туда, куда указывал палец. За третьим столиком у окна сидели двое молодых парней. Один из парней накалывал вилкой грибы на своей тарелке, а другой эти грибы глотал. Этаким способ кормежки доставлял парочке огромное удовольствие, – юнцы хихикали, и довольно громко. Сергей раза два видел старшего парня: это был сын его непосредственного начальника, генерала Захарова.

– Между прочим, – сказал Сазан, – меня бы за такое поведение отсюда попросили.

Сергей почувствовал, что краснеет, как помидор в теплице.

– Впрочем, – продолжал Сазан, – удивительно толковый парнишка. Не знаю, как у других, а мне он недавно продал три килограмма плутония, по сходной цене, и списанную подводную лодку, на которой я теперь плаваю в Патриарших.

Двое за столиком хихикали все громче. Сын Захарова вдруг притянул своего спутника к себе и чмокнул его в губы.

– Вот так, – сказал Сазан, – зарабатывают СПИД. А ведь по факту продажи подводной лодки можно завести на него уголовное дело. Или это принесет меньше лавров, чем расправа с известным Сазаном, главой преступной группировки?

Сергей молчал.

– Что же вы, Сергей Александрович? Вы меня арестовали за поворот в неподобающем месте. Во-он у них сумка на стуле висит, – ведь они оба уже нажрались из этой сумки. Вам интересно, куда эта сумка поедет дальше? Что же вы не встаете и не арестовываете его?

– Мы арестуем его, – вдруг сказал Сергей. – Мы вычистим Россию железной метлой.

– Ах железной метлой, – протянул с уважением бандит. – Железная метла, это, конечно, вещь. Хотел бы я подержаться за ее ручку.

– Не верите?

Выканье бандита, а пуще того, барский его костюм, наконец достало Тихомирова. Он и сам не заметил, как сказал собеседнику «вы».

– Нет, не верю. Время железной метлы прошло и наступило время рынка. Нефтяной министр становится директором нефтяного концерна, а зампред ГКИ – хозяином прииска. Это, впрочем, не беда. Беда начинается тогда, когда судьи, прокуроры, и генералы милиции тоже пытаются приватизировать свою должность. Тогда людям становится плохо, потому что судья, действующий по законам спроса и предложения, это очень тяжело, а если этот же судья будет еще и с железной метлой... – Это я уже слышал, – сказал Сергей, – В стране нет закона и прочее.

Сазан усмехнулся.

– О нет. Не бывает страны, в которой нет закона. Это все равно как нет планеты, на которой не действует закон тяготения. Если судьи и прокуроры не могут охранять общество от произвола, то общество само создает структуры, которые его охраняют. Они возникают снизу. И так как продажным прокурорам не нравится, что они утратили монополию на охрану закона, они называют эти структуры – организованной преступностью.

– Вы мне что-то хотели сказать о сегодняшнем покушении.

– Я уже все сказал. Мы с Александром школьные приятели. Я не имею обыкновения подкидывать своим приятелям бомбы или позволять другим подкидывать им идеи на эту тему.

Сергей закусил губу. Сазан глупо, нахально, непростительно его провел. Сазан с самого начала не собирался делиться никакой информацией. Сазан с самого начала собирался сделать одно: чтобы его, Сергея, увидели через три часа после покушения мирно беседующим с Сазаном. Сазан понял, что он не может дать Сергею цыпы, и решил сделать так, чтобы все, включая начальство Сергея, решили, будто он дал ему цыпу.

И еще Сазан хотел показать ему сына генерала Захарова, кушающим грибочки с чужой вилки.

– Это все, чем вы хотели со мной поделиться?

Валерий улыбнулся:

– А что же еще?

– Я думал, вы назовете подозреваемых.

– Нам менты не кенты, – сказал Сазан.

Сергей неторопливо поднялся из-за стола. Одной рукой он схватил Сазана за лацкан изящного пиджака, а другой нанес страшный удар сбоку и вниз, туда, где смыкаются челюсти. Сазан даже не успел вскочить. Он рухнул вместе со стулом на пол, проехался на спине, дрыгнул ножкой и въехал затылком в толстую отопительную трубу, опоясывающую по периметру бывшую стекляшку.

Все замерли. Официант закрыл глаза, ожидая неизбежного выстрела: вот сейчас Сазан застрелит своего несуразного спутника... Официант закрыл глаза и принялся изгонять образ Сазана из своей памяти. «Кто стрелял... Не помню, начальник! Джорджи, жирный».

Сергей постоял немного, покачался на каблуках и пошел прочь. Официанты испуганно брызнули прочь.

– Погоди, – вдруг раздался голос Сазана.

Сергей обернулся. Сазан сидел на полу, нелепо расставив ноги, и глаза у него были, как у бешеного петуха.

– Ты мне нравишься, мент, – сказал Сазан. – Когда тебя вышибут с работы, я дам тебе место в своей фирме.

Сергей молча повернулся и вышел из ресторана.

Глава 2

Было двенадцать часов дня, когда Сазан вошел в кабинет директора «Межинвеста». Зубы его, к некоторому его удивлению, остались целы, но челюсть как-то скверно поскрипывала. Сазану было противно жевать этой скрипящей челюстью, и он был голоден. Голова у него слегка кружилась. И подумать только, что этот поганый мент повернулся и ушел, уверенный, что Сазан не станет стрелять ему вслед!

Хорошенькая секретарша Александра, которая все не могла забыть, как Сазан одажды подвез ее до дома и пил с ней чай с продолжением, при виде синяка всплеснула руками и утащила его в закуток за нераспакованную коробку с надписью «FUNAI». Там она извлекла из сумочки пудреницу и искусно покрасила синяк пуховкой. После этого Сазан поцеловал ее в губы. Часть пудры осыпалась обратно на секретаршу, а остаток Сазан смахнул, входя в кабинет.

У Александра были посетители, обсуждавшие какой-то контракт. Сазан сел в вертящееся кресло, положил ноги на стол и закрыл глаза. Голова болела ужасно.

Посетители отнеслись с пониманием к визиту Сазана и минут через пять ушли, опасливо оглядываясь на неподвижную фигуру в кресле.

– Принеси-ка нам кофе, Лидочка, – сказал Александр.

Лидочка принесла кофе.

– Мент докучал?

– Да.

– Что говорил?

– Говорил: либо вы с Сазаном сговорились убить бухгалтера, либо Сазан хочет убить тебя и унаследовать фирму.

Сазан, осторожно двигая челюстью, пил кофе.

– Не обижайся, Саша, но если бы бомбу подложил я, ты бы сейчас беседовал не со мной, а с аудиторами господ Бога.

Александр хотел не расплескать кофе, но не смог.

– Чего он хочет, этот мент? Цыпу?

– Он очень хочет цыпу, – сказал Александр. Как только я дам ему цыпу, он схватит меня за мою грязную банкирскую руку и посадит за взяткодательство.

– Суровый мент, – отметил Валерий. – И что ты ему сказал?

– Что я никого не подозреваю.

– А кого скажешь мне?

– Искренко. Тутси. Серов. Савчук.

«Межинвест» и фирма Искренко были связаны соглашением, которое кончилось несогласием. В соответствующем соглашении был пункт о разрешении соответствующих несогласий через международный арбитражный суд города Стокгольма. И хотя разногласия сторон вряд ли достигли бы города Стокгольма, это была серьезная фирма, которая знала все обстоятельства, и не могла ожидать от смерти директора банка существенных перемен.

Кроме того, банк недавно купил крупный пакет акций костромской компании по производству игрушек «Тутси». Дела у «Тутси» шли плохо, они не распродали даже первой эмиссии, а второй им не разрешили даже с цыпой. Тогда у них родилась блестящая идея реорганизовать компанию как предприятие с иностранным капиталом и получить инвестиции из-за рубежа. Они очень удивились, когда Шакуров разъяснил им, что они не вправе делать этого без согласия держателя крупнейшего пакета акций, потому что именно он, согласно российским законам, стал владельцем компании. И что если реорганизация состоится, то она пройдет по его, банка, планам. По этому поводу было некоторое телефонное мордоплюйство.

Серову Александр отказал в кредите за ненадежностью, примеру Александра последовали прочие банки, и фирма Серова прогорела. Ходили слухи, что Серов совсем опустился и сидит на колесах. Две недели назад Серов забрел в ресторан, где сидел Шакуров, и ругал его грязной свиньей, пока охранники не вывели его наружу и не сделали ему больно. Однако Серов был недостаточно квалифицирован, чтобы устроить взрыв своими руками, и не имел денег, чтобы нанять профессионала.

Самой подходящей кандидатурой был «Савчук». Этот якобы «Савчук» получил по подложным, но виртуозно составленным документам ссуду в двести тысяч долларов на разливочную линию в Твери и прочие нужные вещи. Документы были липовые, равно как и благоприятствующий Савчуку звонок с верха. Однако всех, входящих в здание банка, фотографировала скрытая камера, и у Валерия было несколько очень хороших снимков этого человека. До Валерия дошли слухи, что «Савчук» опять объявился в Москве, а до «Савчука» могли дойти слухи, что банк его ищет, и он мог рассудить, что подложить бомбу дешевле, чем платить.

– Я так думаю, – проговорил Сазан, – что бомбу положил Савчук. Глупый это человек, потому что только глупые люди берут такие ссуды и гуляют после этого по Москве. Я к тебе приставлю еще пяток ребят, а ментов из прихожей ты попроси, – тяжело с ними, с ментами.

«Нет, – вдруг захотелось сказать Александру. – Нет, это не похоже на дурака, потому что твои люди засекли бы дурака на расспросах: когда приезжает директор банка, когда спит охранник в посольстве... И это не похоже на серьезных людей, потому что серьезные люди знают, что фирма не переменится, если отправить меня на тот свет... Это не похоже на постороннего дурака и на постороннего умника... о Господи! Неужели проклятый мент прав?»

– Вы что-нибудь установили? – спросил Александр.

– Анализируем взрывчатку. Она была в банке из-под пива, а банку подкинули еще до смены охранников. Я поехал к ночному охраннику и развернулся через трамвайные пути: тут меня и сцапал этот мент. Он уже был у охранника, и теперь там полно портупей. Моих ребят не пускают, а нашли ли они чего-то, кто его знает.

– А титульный лист тебе кто испортил?

– Мент.

– Хорошо испортил, – сказал Александр.

– Ничего, – заметил Сазан, поднимаясь, – мне-то этот мент зашиб челюсть, а тебе он успел мозги зашибить. Проворный мент.

Поднялся и вышел.

Начальник Сергея, Константин Захаров, сидел в выдавшем виды кабинете и глядел в окно. Между рамами окна виднелись прошлогодние трупки мух. Рядом с окном висело постановление правительства, покрытое нежной зеленоватой плесенью. Постановление требовало повышать эффективность борьбы с правонарушителями и закрывало пятно на обоях, проистекавшее от водопроводной трубы. И с тем и с другим оно справлялось не слишком успешно. Под треснувшее стекло на русском письменном столе были поддеты всякие важные распоряжения и календарик, изъятый при обыске: на обороте календарика имелась не очень приличная картинка. Сергей знал, что Захаров иногда достает календарик, любителю на картинку и вздыхает.

– Ну, – справился Захаров, – чем ты сегодня порадуешь?

– Вчера, – сказал Сергей, в 21:43 поступил вызов, – некто Алкин, в троллейбусе номер 15, имел своим попутчиком пьяного пассажира, который, сойдя у Никитских ворот, забыл в салоне дипломат. Алкин хотел окликнуть владельца дипломата, но в этот миг, к ужасу своему, услышал, что в дипломате что-то тикает. Алкин не стал окликать прохожего и сбежал с троллейбуса в ближайшее отделение милиции. Мы явились по вызову. В дипломате тикал только что взятый из починки будильник. Кроме этого, в дипломате лежали визиточница, записная книжка, три мороженые ножки Буша, шкурка от банана, бутылка Амаретто и чайная коробочка, доверху набитая патронами для «Вальтера».

Двумя часами ранее какие-то пацаны прокололи шину БМВ, стоявшего у дверей фирмы «Интертрейд», на Никольской. Хозяин стал менять колесо и обнаружил, что на днище, под правой задней аркой, сидит прямоугольная мина на магнитной присоске. Водитель, Победов Анатолий Витальевич, говорит, что взял машину на день у брата, а брат заявляет, что бандиты перепутали его машину с какой-то другой.

В 7:20 взорвалась бомба, лежавшая на пороге банка «Межинвест». Бомба находилась, видимо, в двух жестянках из-под пива Heineken, и приводилась в действие электродетонатором. Все вместе, по словам свидетеля, было запихано в полиэтиленовый пакет и украшено апельсиновой кожурой и рыбьим хвостом. Скорее всего пакет прилепили скотчем к крыльцу, так, чтобы взрывное устройство сработало при попытке отодрать пакет от крыльца. Оставлена она была около пяти утра. Директор банка утверждает, что бомба предназначалась для него, так как он обычно прибывает в контору раньше всех. Но на этот раз он застрял в пробке, и на бомбе подорвался бухгалтер. Мощность взрывного устройства позволяет предполагать, что преступник учитывал, что намеченная жертва на момент взрыва может находиться в нескольких метрах от крыльца или даже сидеть в машине.

В качестве крыши банк пользуется услугами преступной группировки Валерия Нестеренко, он же Сазан, он же Аудитор.

Нестеренко служил в Афганистане. Отбыл два года по 201-ой статье. Набил морду секретарю институтской партачейки. В лагере, несмотря на статью, как-то примазался к ворам и даже мог покровительствовать осужденным «хозяйственникам». Некоторые из них сейчас, благодаря его рекомендациям, работают в контролируемых им коммерческих структурах. Вышел на волю в 1991 году, сумел вернуться в Москву и занялся организацией кооператива по производству мороженого, который, как выяснилось впоследствии, был просто ширмой для преступной деятельности. Сейчас этот кооператив преобразован в АОЗТ «Кредо», занимается экспортно-импортной деятельностью. Имеет офис и склад на Цветном, откуда развозит сникерсы в им же контролируемые ларьки. Специализируется на рекете, похищениях с целью выкупа, торговлей оружием и взиманием дани со средних коммерческих структур.

В последнее время Нестеренко все чаще проходит под новой кличкой – Аудитор. Кличка связана с тем, что Сазан сообразил: контролируемые им фирмы могут недоплачивать ему налоги, как и государству. Он набрал целый штат молодых бухгалтеров, которые то и дело проверяют финансовую отчетность его подопечных, и у фирмы, вздумавшей недоплатить Сазану, возникают серьезные неприятности.

Сам Сазан за последние два года не привлекался к ответственности, чего нельзя сказать о его окружении.

Три месяца назад его верный зам Мишка Крот был освобожден из-под стражи в зале суда, будучи признан невиновным в предъявленном ему обвинении, – угоне автомашин. После того, как он был освобожден, тюремные власти спохватились, что Мишка Крот сидит уже второй месяц по делу о торговле оружием, и что кто-то забыл указать это в сопроводительных документах в суд. Называют различную сумму, в которую Сазану обошлась забывчивость прокуратуры, однако все сходятся на том, что идея операции по освобождению Мишки Крота принадлежала лично Сазану.

Еще более возмутительный инцидент произошел год назад, когда некто Лебедев, подручный Сазана, был остановлен на кольцевой дружинниками. Лебедеву никак нельзя было останавливаться, так как в багажнике его «девятки» имелся связанный и упакованный коммерческий директор авторемонтной мастерской. Лебедев стал стрелять, подстрелил одного из охранников, но врезался в столб.

На суде вышло так, что дружинника ранил не бандит Лебедев, а другой дружинник. Оба дружинника согласились с такой версией событий. По слухам, Сазан заплатил обоим по две тысячи долларов, угрожая в противном случае большими неприятностями. Видимо, Сазан не

остановился на одних угрозах, поскольку за два дня до суда маленькой дочке раненого дружинника не было ни в детском саду, ни дома. Она вернулась домой непосредственно после суда, живая и здоровая.

На счет Сазана относят полное уничтожение рокотовской преступной группировки: семь человек, тела которых были найдены в вагоне с сантехникой. Вагон доехал до Ярославля и два месяца стоял, пока его не вскрыли. Нет никакого сомнения в причастности Сазана ко взрыву на Пятницкой в прошлом месяце. Во взрыве использовалась та же взрывчатка, и, что гораздо важнее, тот же тип самодельного взрывателя. Этот взрыв запугал руководителей концерна «Таира», и Сазан буквально разорил концерн и три тысячи вкладчиков.

– Стало быть, – сказал генерал, – по-твоему, это Сазан положил бомбу?

– Недавно он проверял «Межинвест», и сразу же сделал одного из своих солагерников первым заместителем директора «Межинвеста». Если аудиторы сказали ему, что «Межинвест» недоплачивает Сазану, и если это подтвердила аудиторская проверка, то Сазан вполне мог пожелать убрать директора и поставить на его место своего человека.

Генерал задумчиво перебирал по столу пальцами.

– После взрыва на Пятницкой, – продолжал Сергей, – представители ряда коммерческих структур оказали на следствие довольно сильное давление. Один сказал: «Оставьте Сазана в покое, а то нас сожрут пираньи». Если нам удастся доказать, что Сазан пытается полностью завладеть контролируемыми им структурами, не останавливаясь даже перед убийством школьных друзей, то эти люди изменят свое отношение к Сазану. Они утопят его в дерьме.

– Разумно, – сказал Захаров, – что ты хочешь?

– Заниматься одним Сазаном.

Генерал кивнул, а потом вдруг спросил:

– А что ты делал в «Янтаре»?

– В «Янтаре» я набил Сазану морду.

Но Захаров никак не отреагировал на это сообщение, порочащее честь российского милиционера, а только спросил:

– Сына моего там видел?

Тихомиров вдруг густо покраснел.

– Значит, видел, – сказал Захаров. – Везет тебе, Тихомиров. У тебя – Сазан, а у меня – сын.

Спускаясь по лестнице в свой кабинет, Тихомиров услышал полный ужаса вопль: кричала женщина, ожидающая в приемной, а причиной тому была прометнувшаяся мимо мышь.

Покинув банк, Валерий некоторое время сидел в машине и кому-то что-то втолковывал по телефону. Потом развернулся и медленно поехал прочь. По ветровому стеклу и нарастающей еще мостовой лупил ранний весенний дождь, словно на небесах прорвало трубу. У выезда на Садовое Сазан притормозил, свернул к тротуару, и опять стал разговаривать по телефону. Потом он бросил телефон на соседнее сиденье, заложил руки за голову и стал глядеть в зеркальце заднего вида.

В зеркальце было видно, как по тротуару идет девушка. Девушка была тоненькая и с голубыми глазами, она шла на каблучках под проливным дождем и плакала на ходу.

Валерий подождал, пока она прошла мимо, а потом запер машину и пошел вслед за ней. Девушка спустилась в метро и сделала пересадку на Белорусской. Валерий тоже сделал пересадку. Девушка вышла на Соколе, прошла минут пять, и вошла в стеклянную дверь с надписью «Библиотека». Валерий подумал, что она библиотечка, но, открыв дверь, обнаружил, что девушка устраивается за стеклянной загородочкой с надписью: «Ксерокопирование, Изготовление визитных карточек. Закатка документов».

Валерий толкнул дверь и вошел. В библиотеке никого не было, за стеклянной стенкой редкие посетители гладили на лоток с книгами в пестрых обложках.

– Можно заказать визитки? – спросил Валерий.

– Нет, – сказала девушка, – у нас временно испортилось оборудование. Мы сейчас только закатываем права и документы.

Валерий вынул из кармана сто долларов и сказал:

– Закатайте.

– Это что, – засмеялась девушка, – ваши права?

Валерий подмигнул и сказал:

– Разве это права? Права нынче – девятимиллиметровые.

Девушка улыбнулась.

– Вы сегодня свободны? – спросил Валерий, – я приглашаю вас на ужин.

Девушка озадачилась и неуверенно сказала:

– Вы нахал.

– Вы такая грустная, – сказал Валерий. – Просто мне хотелось как-то позабавить вас. Правда. Вы во сколько кончаете работу?

– В шесть.

– Прекрасно. Я здесь буду без пяти шесть.

Выйдя из библиотеки, Валерий поймал такси и поехал обратно к «Межинвесту».

По возвращении от начальства Сергей сдал эксперту, на всякий случай, две банки купленного в киоске пива. Эксперт обещал ему попытаться установить, принадлежит ли банка, купленная в киоске, и банка, в которую была заложена взрывчатка, к одной партии. Правда, это времени на это должно было уйти порядочно.

Вернувшись к себе в кабинет, Тихомиров принялся за черный портфель, который так неосмотрительно отдал ему молодой Митя, заведовавший электроникой. В портфеле лежали, собственно, не фотографии, а аккуратно распечатанные компьютером цветные картинки с лицами посетителей. Каждая картинка, форматом 9 на 20, имела сзади хитроумную пометку из цифр и букв.

После взрыва на Пятницкой Дмитриев перефотографировал дюжину людей Сазана. Теперь лейтенант аккуратно выстроил стопку из банковских листов – справа, а стопку фотографий, сделанных Дмитриевым, – слева. Сначала он пересмотрел карточки Дмитриева, а потом принялся за банковские. Штук шесть из людей Сазана красовались на банковских фотографиях. На обороте всех шести карточек код кончался буквами «EN», из чего Сергей вывел, что и остальные фотографии под буквой «EN» относятся к людям Сазана. Таких картинок набралось еще четыре.

Сергей переложил листы в папку и отправился с ней в подвал, туда, где недавно поставили цветной ксерокс, подаренный дружественными полисменами штата Миннесота. Сергей отдал папку человеку, приставленному к ксероксу. Ксерокс зачавкал, загудел и озарился изнутри: на поддон стали вылетать первые копии.

Вскоре в подвал спустился Чизаев.

– Пустое дело, – сказал Чизаев, увидев, что печатает ксерокс. – Случайных свидетелей у Сазана не бывает. Если ты егоймаешь – то только с согласия его клиентов.

Сергей вынул листы из поддона. Чизаев протянул копировальщику месячный проездной на апрель и попросил отксерить две штуки.

– Зачем тебе, – поинтересовался Сергей, – ведь бесплатно дают?

– А для жены, – пояснил Чизаев.

Когда Сергей поднялся в свой кабинет, на его столе лежала записка от эксперта, относительно сходства между купленной им банкой пива Heineken и банкой, послужившей упаковкой для бомбы. Сергей удивился таким быстрым результатам экспертизы, но записка извещала, что купленная им банка вообще не есть Heineken, и не совсем суть пиво. Банка была произведена

на заводе в Воронеже, якобы по лицензии, и состав ее жести не имел никакого отношения к фрагментам взорвавшейся оболочки.

Не то чтоб Сергей на что-то надеялся, но записка никак его настроения не улучшила.

Было уже около четырех пополудни, когда на столе Сергея зазвонил телефон.

– Сергей Александрович? Это Дмитриев. Я тут в Черносвитском переулке пью чай у одной милой старушки. Я думаю, вам любопытно будет послушать. Дом тринадцать, блок пять, квартира 7. Захватите с собой мои фотографии.

Сергей сунул отксеренные листы в папку и поехал в Черносвитский.

Старушка походила на тряпичный сверток, с верхушки которого глядели в мир грустные и цепкие глаза цвета растворимого кофе. Рядом прыгала собака с короткими ножками и розовым брюхом.

– Итак, Лидия Михайловна, – сказал Дмитриев, – в пять утра вы стояли у двери подъезда.

– Да, – сказала Лидия Михайловна, – я, знаете ли, привыкла выгуливать собаку рано. Мой Боречка очень возбудимый мальчик, и если выгуливать его поздно, то в сквере будут другие собаки, и он непременно поссорится. К тому же это такие, знаете ли, большие собаки. Сейчас развелось множество хозяев, которые держат собак, чтобы защищаться от преступников, и все это очень злые собаки. Мой Боречка ужасно нервничает. А потом, сейчас множество бегунов. Очень рано они не бегают, наверное, они боятся всех этих бандитов. Я бы тоже боялась ходить по улицам в пять утра, если бы не Боречка.

Сергей посмотрел на Боречку с короткими лапками и живо представил себе, как он охраняет владелицу от бандитов.

– Итак, – вежливо перебил Дмитриев, – в пять вы были в подъезде. И что вы увидели?

– Машину, – сказала старушка, – у нашего дома остановилась машина. В пять утра, точнее, в пять часов три минуты! Я очень удивилась и раскрыла дверь. Я думала, что это в наш подъезд. Это была такая заграничная машина, цвета кофе со сливками, но я не знаю ихних марок. Но человек, который вышел из машины, пошел совсем в другую сторону, а машину он так и не выключил. Он завернул за угол и пошел по Вьюжному переулку. У него была с собой такая черная сумка. Я немножко удивилась, и вышла с Боречкой. А я шла как раз за этим человеком, только я, конечно, от него отстала. Когда я дошла до конца переулка, я увидела, как этот молодой человек стоит у крыльца этой фирмы с зеленым ковриком. Мы все зовем ее «зеленый коврик». Тут я подумала, что это ихний служащий, или какой-то курьер, потому что он бог знает когда работают, у них в два часа ночи свет горит! Но мне тогда еще показалось странным, что он не выключил машину. Ведь если он служащий, то почему он не выключил машину? А если он приехал на минутку, то почему он не остановился прямо перед зеленым ковриком?

– И что этот человек делал на крыльце? – спросил Дмитриев.

– Да вроде как потоптался на крыльце, да и пошел обратно. Мне показалось, что он никого не застал в такую рань.

– А пакет с мусором? Вы видели, чтобы он положил пакет с мусором на крыльцо?

– Пакет я, конечно, увидела, когда проходила мимо. Я еще хотела его поднять, а потом подумала: вот еще! Но, конечно, я не видела, чтобы этот человек клал пакет. Ну вы сами посудите, если бы я увидела, что молодой человек едет в такую даль, чтобы выбросить мусор, я бы очень удивилась!

– Но вы не все время его видели? Когда он подошел к двери банка, вы еще находились за углом?

– Да, я даже удивилась, что он так недалеко ушел. Я бы в его годы ой куда убежала, пока такая старуха дошла до угла.

– А что было дальше?

– Он сошел с крыльца и пошел обратно. Он прошел мимо меня, и я придержала Боречку.

– А его сумка, – спросил Тихомиров, – как он нес сумку, – так же, как и туда?

Старушка поглядела на него удивленно.

– А вы знаете, – сказала она, – вы правы! Он туда нес эту сумку, словно в ней были перепелиные яйца, а обратно он ее тащил, как кот за хвост.

– Вы могли бы описать этого молодого человека?

– О да, на улице было уже светло. Это был высокий молодой человек, лет тридцати, худой и в синих джинсах. У него был очень неприятный взгляд: глаза бегали, как мыши. Знаете, я никогда не доверяю людям с таким взглядом. Зимой я переходила сугроб... Сергей вытащил из нагрудного кармана отксеренные листы и спросил:

– Лидия Михайловна, его нет среди этих людей?

Старушка долго изучала снимки.

– Есть, – сказала она, – вот этот.

И ткнула пальцем в снимок наглого белобрысого парня со странно выпученными глазами и шеей, изогнутой на манер носика чайника.

– Вы уверены, – переспросил Сергей.

– Я была учительницей пения в школе, – оскорбилась старушка. Вы знаете, что такое учительница пения? Это учительница, которая ведет уроки во всех классах школы, а у нас их было А, Б, и В, и она ведет эти уроки один раз в неделю. Я называла по имени всех моих учеников. Мои коллеги это подтвердят.

– Но даже учеников вы видели несколько раз. А здесь – один раз, еще на рассвете.

– Я его не один раз видела, – сказал старушка. – Я его прекрасно запомнила, когда он ударил Боречку!

– Ударил Боречку? Где, когда?

– Месяц назад. Он стоял со своими товарищами в скверике, и, кажется, пил. Боречка подбежал к нему, и этот молодой человек его просто ударил! А остальные загоготали!

– А среди этих снимков нет фотографий этих остальных?

Старушка склонилась над карточками.

– Вот эта, – сказала она, – и эта. И эта.

Третье фото, на которое указала старушка, было фото Валерия Нестеренко.

– Скажите, – спросил Сергей, – а машину его вы могли бы описать?

Старушка покачала головой.

– Нет, – объяснила она, – вы понимаете, у нас в школе учились дети, а не машины. Это была красивая машина, цвета кофе с молоком.

– А номер вы случайно не помните?

– Нет, – сказала старушка, – номер я не помню. Я пришла и записала его на бумажке, а Боречка взял эту бумажку и съел.

По углам маленького проходного дворика еще лежал снег, молодой разбитной дворник гнал метлой талую воду в канализационный люк, и вечеряющий воздух дышал близкой весной.

– Странная история, – сказал Сергей, поплотнее запахивая куртку. – Хитрый, осторожный бандит посылает взорвать офис своего друга – ленивого джентльмена, который ставит заграничную машину за углом! Мало того, – он выбирает джентльмена, которого видели и знают в этом районе! Совсем не как на Пятницкой... – Бандиты глупеют от безнаказанности, – сказал Дмитриев. – К тому же он полагал, что расследованием будет заниматься сам. Чего напрягаться-то?

– А может, исполнитель травки накушался, – заметил Тихомиров.

Они помолчали, и Дмитриев вдруг сказал:

– Кстати, ты был прав насчет владельца бара. Он меня хорошо накормил и долго капал на человека по фамилии Дыбач, которого он-де позавчера заметил случайно на улице, провожая гостей. А на самом деле этот Дыбач задолжал ему, не знаю уж сколько. Но хозяин бара не знал,

что пакет оставили в пять, а так как бар закрывается в час, он был вынужден сказать, что видел этого типа в час.

Без пяти шесть Валерий был у библиотеки. Девушка удивилась, увидев его машину, – видимо, утром она смотрела в окно и видела, что он пришел своими ногами. У нее были светлые, почти ненакрашенные глаза, и в своей черной обтягивающей юбочке она походила на тонкую вазу на длинной ножке. «Ну чего ты приарманиваешься, – подумалось вдруг Сазану, – сходил бы к шлюхам».

Сазан усадил девушку в машину и спросил:

– Как вас звать?

– Таня.

– А я – Валерий. Отчего вы такая печальная?

– У меня недавно умерла мама. Рак.

Сазан ощутил острое сожаление. Если бы кто-то надул Таню, отнял у нее квартиру, выгнал с работы, или даже попортил в подъезде мужа, – он, Сазан, мог бы покровительственно улыбнуться и сказать: «Сейчас уладим». Но он не мог наведаться на небо и вежливо попросить господ бога вернуть Танину маму на землю, угрожая в противном случае крепко набить морду архангелам.

– У меня тоже мать умерла, – сказал Сазан. – Сгорела по пьянке.

В «Янтаре» было уже шумно, и Сазан усадил девушку за угловой столик. Девушка испуганно смотрела на меню, – так, будто названия блюд были написаны по-китайски. Глаза ее со страхом остановились на двойной колонке цифр – в долларах и рублях.

Сазан подозвал официанта и продиктовал ему заказ. Таня с облегчением оставила меню в покое.

– А вас тоже неприятности? – вдруг спросила она.

– Не у меня, – сказал Валерий, – у моего приятеля. Ему сегодня подкинули на крыльцо бомбу.

Девушка прикрыла рот ладошкой и сказала:

– Какой ужас! А кто?

– Мой приятель считает, что это сделал я.

Подошедший официант водрузил на стол ведро с шампанским и блюдо с салатом, более похожим на натюрморт, чем на салат.

Сазан откупорил бутылку, разлил шампанское по бокалам и сказал:

– За наше знакомство.

Они чокнулись, и Сазан, слегка прикрыв глаза, стал глядеть на девушку поверх края бокала. Девушка покраснела, как старшеклассница на кинопробе.

И тут Валерий внезапно увидел толстого человека с поросычьим лицом, который пробирався между столиками в направлении уборной. Валерий проглотил шампанское, улыбнулся девушке и сказал:

– Простите, я сейчас вернусь.

Мужская уборная находилась в конце сквозного коридорчика, одним концом выходящего на двор. Валерий встал на пороге уборной, стараясь не отражаться в опоясывающих кафельные стены зеркалах. Он подождал, пока человек застегнет ширинку, и спросил:

– Поссал?

Человек изумленно обернулся. Валерий поднял колено и ударил толстяка прямо в пах. Человек раскрыл рот, видимо намереваясь кричать, и стал отлетать к зеркалу. Валерий поймал его левой рукой, чтобы тот не разбил зеркала, а правой зажал ему оральныйник. Человек стал выкручиваться. Валерий прижал его к себе, отнял на мгновение обе руки и, сцепив их, со страшной силой обрушил на шею толстяка. Толстяк обмяк и стал вести себя тихо. После этого Валерий выудил из кармана наручники и защелкнул их на запястьях поросычьего человека.

– Пошли, ананасина, – сказал Валерий, и для убедительности показал своей жертве вороненый ствол. – Пикнешь – х... отстрелю.

– Почему? – шептал человек. Он неудержимо плакал: слезы сами текли из его глаз, как это часто бывает, когда человека бьют.

Из туалета направо вел маленький коридорчик, выходящий куда-то на зады ресторана, под служебный навес. С навеса лил дождь, и в темноте тускло блестел бок разгружавшегося грузовика и крышка мусорного бака.

Валерий накинуд на руки своей жертвы плащ, так, чтобы скрыть наручники, и потащил человека прочь. При виде грузчиков в глазах жертвы проснулось было надежда, но Валерий ткнул пальцем в мусорный бак и тихо сказал:

– Туда хочешь?

Они прошли мимо грузчиков, кидавших ящики. Жертва Валерия шаталась от боли и страха, и Валерий, прижимая мужика к себе, громко говорил:

– Перебрал ты, Женя, перебрал! Домой пора.

Таня терпеливо дожидалась прихода Валерия. В ресторане было тихо и светло, распахнулась дверь, где-то рядом отъехала машина.

– Можно?

Девушка оглянулась.

Позади стоял симпатичный незнакомый человек.

– Мне сказали, что я могу здесь найти Валерия Нестеренко.

Таня вдруг сообразила, что ее спутник не назвал своей фамилии.

– Наверное, – сказала она, – он отошел. Он сейчас будет здесь.

Человек смущенно присел.

Они некоторое время ждали Валерия, но того все не было и не было.

– Странно, – проговорил человек, – схожу посмотрю.

Он сходил посмотрел и через несколько минут вернулся вконец растерянный.

– Удивительное дело, – сказал он, – куда человек может пропасть из ресторана? Да еще от такой милой девушки, как вы?

– А я вас – сказала девушка, – по телевизору видела. Давно. Вы..., вот только фамилию забыла, – и девушка запнулась.

Человек улыбнулся смущенно и расстроено.

– Может быть... – пробормотал он. – А фамилия моя Ганкин. Виктор Львович.

– Таня.

– Вы депутатом были, членом межрегиональной группы.

Виктор Львович покраснел. Видно было, что про межрегиональную группу помнили уже немногие.

Они сидели и ждали Валерия.

– Странно, – тоскливо промолвил Ганкин, – очень странно. Простите, Таня, вы давно с ним знакомы?

– Нет, – сказала Таня, – с сегодняшнего утра. Вы не подумайте, я не... я никогда... Но он так забавно со мной познакомился! Я работаю на ламинаторе, знаете, закатывать права, и он хотел со мной познакомиться, а документов у него с собой не было. И вот он вытащил сто долларов и говорит: «Закатайте».

Таня приснула. Ганкин нахмурился: он смотрел на крайний стол слева. Там тоже обнаружился беспорядок. Двое мужиков в дорогих костюмах с явным недоумением поглядывали на едва початую тарелку, стоявшую на перед третьим пустым стулом, и вертели головами в поисках отлучившегося товарища.

– Таня?

Таня и Ганкин обернулись. За ними стоял молодой человек с короткой стрижкой и твердой челюстью. Тане он сразу не понравился.

– Я от Валерия, – сказал парень, – ему пришлось срочно уехать, и он просил отвезти вас домой.

– Я сам отвезу девушку домой, – сказал Ганкин.

Когда они доехали до Таниного дома, Ганкин сказал:

– Таня, вы милая и хорошая девушка. Позвольте старому человеку дать вам совет: не связывайтесь с Валерием.

– Но ведь вы его друг?

Ганкин помолчал. По крыше машины опять хлестал дождь, и на приборной доске мигал указатель левого поворота.

– Таня, – спросил Ганкин, – вы знаете, что такое феодализм?

И, не особенно утруждаясь услышать ответ, бывший депутат, доктор исторических наук, сказал:

– Когда-то жила-была Римская империя. Это была скверная империя, управлявшаяся коррумпированными чиновниками. Чиновники продавали ее оптом и в розницу, но тем не менее в ней были суды, города, и немножечко правосудия. Я даже подозреваю, что в некоторых восточных областях Римской империи во времена Адриана дело с правосудием обстояло лучше, чем сейчас, спустя две тысячи лет. Потом на эту империю нахлынули варвары. Они ничего не имели против ее строя, они просто хотели завладеть ее богатствами. Но в результате этой погони за богатством все коммуникации империи были разрушены. Торговцев грабили на дорогах. Крестьян грабили в селах. Горожан сжигали в городах. Города превратились в замки. Война стала единственным способом экономического обмена. Люди разделились на два класса: те, кто грабит, и те, кого грабят. И тогда торговцы и крестьяне стали просить у своих грабителей покровительства. Они хотели, чтобы одни грабители защитили их от других. Теперь грабителей называли феодалами, а те, кого грабят, назывались крепостными.

Ганкин замолчал.

– Понятно, – сказала Таня, – и вы – крепостной Валерия.

Ганкин молча ткнул пальцем назад. Там, метрах в пяти от подъезда, не особенно скрываясь, урчал белый «оппель» – молодой человек с квадратной челюстью, выполняя указания шефа, смотрел, куда именно Ганкин повез девушку, и не поднялся ли с ней в квартиру, и сколько сидел в машине.

– Покамест, – ответил Ганкин, – я его будущий крепостной. Соль всей истории заключается в том, что торговцы и крестьяне становились крепостными добровольно. Они меняли свободу на безопасность.

Валерий доставил свою трепещущую жертву в старую хрущобу на Автозаводской. Белые девятиэтажки с квадратиками светящихся окон плыли в ночном небе, и вдалеке был виден бетонный забор железной дороги и мост через станцию. Вытаскивая своего пленника из машины, Валерий принялся и сказал:

– Сукин ты сын, ты же ведь ссал недавно!

В подъезде им попалась какая-то поздняя дамочка, – но она увидела только молодого парня, который заволакивал в лифт своего пьяного друга.

На седьмом этаже Валерий отпер дверь в темную однокомнатную квартиру, втолкнул пленника в прихожую, запер дверь и включил свет.

В квартире было прохладно, и стоял тоскливый нежилой запах.

Валерий проверил, плотно ли задернуты шторы. Он снял с пленника наручники, поставил его к трубе парового отопления в углу комнаты и вновь застегнул наручники, заправив их за трубу. Человек подогнул ноги и сделал вид, что падает. Валерий несильно пнул его коленом и сказал:

– Подбери амбар.

Человек испуганно подобрал живот. Потом он вдруг набрал в грудь воздуха и начал орать. Проорал он недолго. Сазан одной рукой зажал ему рот, а другой ударил в солнечное сплетение. Человек булькнул, съехал по трубе вниз и растянулся на полу, неловко задрал руки. Стало слышно, как по трубе бежит вода: видимо, в котельной кончали топить.

Сазан пошел на кухню и вернулся оттуда с электрическим утюгом. Он поставил утюг на пол, взял стул, и сел, расставив ноги, над человеком, ожидая, пока тот очнется. Прошло пятнадцать минут. Человек стал лупать глазами. Сазан содрал с человека пиджак и рубашку. Кожа на толстом человеке висела складками и напоминала давно нестиранную майку.

Стены в хрущобе были дерьмовые, и хотя Сазан знал, что население соседней квартиры никогда не станет звонить ни в какую милицию по причине имеющегося в квартире самогонного аппарата, он все-таки поднялся и включил стоявший в нише хельги телевизор. Телевизор бодрым голосом принялся извещать мир о преимуществах шоколада Фрут энд Нат.

Сазан наклонился над человеком и спросил:

– Ты посылал бомбу Шакурову?

Глаза человека наполнились ужасом.

– Нет, – замотал он головой, – нет.

Сазан взял человека за шею и стал потихоньку ее сжимать. Человек захрипел. Ноги его заскребли по полу. Сазан отпустил человека и снова тихо спросил:

– Кого посылал с бомбой? Не скажешь – в толчок по кусочкам спущу.

– Никого, – хрипел человек.

Сазан включил утюг в сеть и поставил его на «лен». Пока он залеплял человеку пластырем рот, утюг уже нагрелся. Сазан попробовал его пальцем и приложил к животу человека. Тот задергался, как шарик на мягкой резинке, которыми раньше торговали старушки в праздничный день седьмого ноября.

– Аллю, я вас слушаю, – сказал Сазан.

Из глаз человека текли слезы. В комнате запахло жжеными волосами и мясом. Человеческая кожа была менее теплостойкой, чем лен.

Сазан вытащил утюг из розетки, отлепил пластырь и сказал:

– Ты послал бомбу?

– Да, – прошептал человек.

– С кем?

– Украинец. Я его не знаю. Он сразу же уехал.

– Где брал бомбу?

– Он сам привез. Из Житомира.

Носок Сазанова ботинка въехал толстяку под ребра.

Человек пискнул и потерял сознание.

Сазан сел на диван и стал ждать.

Кто-то заскребся у двери. Сазан поглядел в глазок и открыл, – это были его люди, два брата, – Сева и Гена.

Сазан молча ткнул пальцем в раскрытую дверь комнаты, – и тут на кухне зазвонил телефон.

Валерий пошел на кухню.

– Это Ися, – сказала трубка, – мы провели анализ взрывчатки. Это пластик, и нам очень повезло.

– А?

– Характер посторонних примесей свидетельствует, что этот человек покупал пластик там же, где и мы.

Валера кивнул.

Давным-давно, когда рынок взрывчатки был весьма ограничен, Валерий завел очень хорошие контакты с одним химиком, аспирантом МГУ. Тот варил свое зелье в отменной университетской лаборатории, но у него было плохо с вытяжкой, и в конечном продукте все время оставались примеси. Химик объяснял Валерию, в чем дело, в надежде, что Валера даст денег на вытяжной шкаф, но Валерий денег не дал, потому что пластита, в общем, ему нужно было мало, и вообще в последнее время взрывчатку стало проще купить.

Сазан повесил трубку и прошел в комнату: поросячий человек опять ожил и с ужасом глядел на новых мучителей.

– Сколько он нам должен, – спросил Гена.

– Пятьсот, – сказал Сазан.

В глазах братьев плясали сладострастные огоньки.

– Погодите, пока я не приеду, – сказал Сазан братьям, – да пусть оботрет в ванной штаны.

Потом он вернулся на кухню, набрал телефон химика, и сказал, что заглянет к нему через полчаса.

Сергей отнес фотографию Чизаеву, и тот перезвонил ему к вечеру.

– Записывайте, – сказал Чизаев, – на фотографии изображен Мефодий Кириллович Баркин, тысяча девятьсот семидесятого года рождения, холост, сын генерала Баркина, привлекался, но не судим. Двенадцатого января 1993 года Баркина поймали на Киевском рынке с маковой соломкой в количестве двадцати грамм, для личного пользования. С прошлого года, предположительно, работает на Сазана.

– Все, – спросил Сергей.

– Нет, не все. В прошлом месяце Баркин был замешан в одном происшествии, которое вас непременно заинтересует. В 21:52 по Новогиреевской ехал бежевый «Мерседес-500» с новым номером А843КА/77RUS. Вдруг «Мерседес» вильнул в сторону, и из него началась пальба. Одна пуля разбила банку с майонезом, находившуюся в сумке на колесиках, которую тащила за собой пожилая дама, а другая пробила насквозь грудь закутанной в меха красавицы, изображенной, по счастью, на рекламном щите. Прохожие завизжали. Дверца «Мерседеса» распахнулась, и на мостовую вылетел господин Баркин. Подъехала милиция, и Баркина забрала.

– Кому принадлежала машина?

– Машина принадлежала директору «Межинвестбанка», господину Александру Шакурову. У Баркина было сотрясение мозга, или он его симулировал. Его навестили дружки. Баркин сказал, что он ехал на машине друга и решил подвезти незнакомого пассажира. Тот оказался бандитом и вышвырнул Баркина из машины. Незадолго до этого директор подал заявление об угоне. Машину нашли за городом, сожженную.

– Оригинально, – сказал Сергей.

– Что?

– Зачем бандит стрелял по прохожим. По логике вещей ему надо было стрелять в Баркина, так? И притом, даже если у Баркина дефицит мозгов, у него должны быть отличные кулаки. Других Сазан не держит. Если бы охранник увидел, что пассажир стреляет в прохожих, он бы трижды успел выкинуть его из машины.

Когда Валерий вошел в квартиру химика, под мышкой у него был снаряженный ТТ.

Химик на кухне варил макароны и радушно предложил их посетителю. Валерий от макарон отказался. Ему было противно есть макароны человека, которого он убьет, да он и не любил макарон. Стенах кухоньки были украшены фотографиям кошек, и на узком подоконнике красовался фикус, посаженный в обрезанную пятилитровую жестянку из-под венгерского компота.

Валерий сел на стул у колченого пластикового столика и сказал:

– Игорь Семенович, мы ведь, кажется, с вами договаривались, что вы поставляете свою стряпню мне и только мне.

Аспирант удивленно обернулся.

– Да, – сказал он, – и мы, между прочим, договаривались, что вы будете за нее платить.

– Разве я не плачу? – поинтересовался Валерий.

– А двадцать пятого?

Валерий подумал. Двадцать пятого он ничего не брал от химика, и никто из его людей не брал.

– Простите, Игорь Семенович, запамятовал. Сколько я взял двадцать пятого?

– Двести.

– А кто пришел?

– Кто звонил, тот и пришел, – обиделся химик, – зубастый такой, глазки на стебельках.

У них было правило: человек от Валерия звонит и приходит, и Валерий сам не имеет обычно контакта с химиком, чтобы не засветиться.

– Гуня?

– Да, вроде бы так.

Валерий вытащил бумажник.

– Значит, – сказал Валерий, – двадцать пятого к вам пришел Гуня, взял двести, и сказал, что я заплачу?

– А что? – встревожился аспирант. – Он вам меньше передал... Или... Валерий вынул из бумажника деньги и подсунул их под хлебницу.

– Нет, – сказал он, – ничего. Все в порядке. Знаете что: если Гуня опять позвонит вам с просьбой о тесте, перезвоните, пожалуйста, мне.

Химик глядел на бандита большими глазами. До него вдруг дошло, что с Гуней может случиться что-то нехорошее.

– А если, – испуганно спросил Игорь Семенович, – он придет без звонка?

Валерий подошел к окну и глянул вниз. Пятиэтажка выходила на широкий проспект, и напротив кишел людьми большой магазин с надписью «Рыба-Мясо».

– Если он придет без звонка, – сказал Валерий, – не открывайте ему, а подойдите к окну, и уберите с окна вашу банку с салатом. И не бойтесь, – сказал Валерий, – этот человек, Гуня, – он идиот.

Встал, простился и вышел.

Химик в полном недоумении глядел то на деньги, то на горшок с фикусом, пока его не вывел из задумчивости запах сгоревших в кастрюле макарон.

Прямо от химика Сазан поехал к Александру. Было уже одиннадцать вечера, но банкир был еще у себя в конторе. При виде Сазана он вздрогнул и потупил глаза.

– Саша, – сказал Сазан, – ты заработался. Пора отдохнуть.

Банкир стал покорно собирать со стола бумаги. Сазан подозвал одного из телохранителей и приказал:

– Отгоните его машину домой. Саше надо расслабиться, мы едем в гости.

За руль сел Сазан, а Шакуров поместился, скорчившись, справа. Пальцы его слегка дрожали. Было заметно, что он ожидает выстрела, и не из-за соседнего угла, а с места водителя.

– В какие гости мы едем? – спросил Александр.

– К Гуне, – сказал Сазан. – Все-таки нехорошо, – двадцать лет вместе, человек плачет, гостинцы шлет, а ты – ни слова.

– Не слал он мне никаких гостинцев, – удивился Александр.

– Сегодня утром прислал. Твой бухгалтер его получил вместо тебя.

– Боже мой, – тихо сказал банкир.

Машина мягко летела по ночной мостовой, покрытой матовой корочкой льда, – дневной дождь и ночной холод сыграли в этот день с автолюбителями неприятную штуку.

В миру Гуню звали Мефодием Баркиным, и Мефодий Баркин был третьим в их школьной компании, а год назад стал числиться при Валерии. Сам Валерий не взял бы его в к себе, – что-то пугливое жило в Гуниных глазах, пугливое и скверное. В детстве Гуня клал под поезда кошек и играл с девочками в классики. Но Александр попросил за Гуню, потому что Гуня был не только его школьным приятелем, но и генеральским сыном, и Александру было приятно, что он, Александр Шакуров, сын токаря, стал банкиром, а генеральский сын Мефодий Баркин пашет на него шофером за триста зелененьких.

Гуня обедал с Александром в дорогих ресторанах за счет работодателя, и когда Александр платил за еду, было видно, что Гуня не чувствовал благодарности, а хотел бы положить эти деньги себе в карман.

Кончилось все омерзительно. Однажды, когда они возвращались втроем из ресторана, Гуня стал хвастаться, что им теперь все можно, и что они хозяева жизни, – хотя хозяева, собственно, были Валерий и Александр, а Гуня только вел машину. В доказательство он вытащил «вальтер» и стал развлекаться пальбой по прохожим. Больше двух выстрелов он сделать не успел: Валерий сидел справа от водителя. Он вышиб Гуню из-за руля, чуть не рассадив неуправляемую машину о фонарный столб. Пистолет из рук Гуни полетел на коробку скоростей, а Гуня вывалился на дорогу. Валера поднял пистолет и собрался стрелять в Гуню, но тут Александр очнулся и заорал в полном ужасе:

– Валера! Ради бога! Это же моя машина!

Сазан высадил на перекрестке дрожащего директора банка и объяснил ему, что надо делать. В ту же ночь он отогнал машину за город, облил бензином и сжег. Александр заявил об угоне машины, и милиция принялась разыскивать неизвестного, развлекавшегося стрельбой по прохожим и выкидыванием водителей из машин. Впрочем, милиция не особенно напрягалась.

Валера вышвырнул Гуню из организации в тот же день, как тот выписался из больницы.

Александр запретил убивать Гуню, и Сазан с самого начала сказал, что он еще пожалеет об этом запрете.

И тут Александр похолодел.

– погоди, – сказал он, – зачем же мы к нему едем?

Сазан промолчал.

– Ты что, меня хочешь в это дело впутать?! – заорал банкир. – Что я там буду делать?

– Смотреть, – сказал Сазан, – смотреть и слушать. – Я не хочу, чтобы завтра твой друг мент пришел к тебе и сказал: «Сазан подложил бомбу к вашей двери, а когда дело не удалось, замочил первого попавшегося под руки подозреваемого. И свалил все на него».

Сазан остановил машину у ночного киоска и купил бутылку ликера и коробку шоколадных конфет.

В старой генеральской квартире, в окне пятого этажа, выходящем на Садовую, горел свет, и сквозь кисейную занавеску просвечивал телевизор. Друзья поднялись на пятый этаж, и Сазан нажал на кнопку звонка. Банкиру казалось, что он видит дурной сон. Ему вдруг представилось, что ему опять десять лет, и кнопка звонка так безбожно высока, что до нее нельзя дотянуться, а можно только допрыгнуть, – и что вот сейчас дверь откроит Лидия Павловна, в штопанном халате и с наколкой на красивых седых волосах, и скажет:

– А, мальчики. У Феди опять болит горло, и гулять я его не пущу. Хотите чаю?

Дверь открылась, и на пороге показалась Лидия Павловна, в штопанном халате и с черепаховым гребнем на сморщенной, как грецкий орех, головке. Она близоруко вглядывалась в темноту.

– А, Сашенька! – вдруг изумилась она. – И Валерик! А Феди дома нет. Хотите чаю?

– Что же вы так, Лидия Павловна, – сказал Сазан, галантно передавая ей ликер и шоколад, – спрашивать надо, кто за дверью. Стоят два молодых бугая, – а вдруг мы бандиты?

Старушка засмеялась.

– Ну какой же вы бандит, Валерик?

Гуни действительно не было, иначе бы в прихожей царил беспорядок, а на кухне жарилось бы что-нибудь вкусное для внука.

Через пять минут молодые люди сидели в гостиной. На диване перед включенным телевизором грелась молодая беременная кошка, и было слышно, как начинает свистеть на кухне чайник. Это была хорошая, большая генеральская квартира в добротном доме с высокими потолками, с огромной гостиной, с трофейным роялем, на котором в детстве мучили Гуню, и прочей трофейной мебелью: а кроме трофейной мебели, ничего нового в гостиной не было.

– А Федя сегодня будет? – спросил Сазан, когда старушка разлила в тонкие, мейсенского трофейного фарфора чашечки ароматный чай.

– Не знаю, – покачала та головой. – Он теперь редко дома ночует. С тех пор, как он уволился от Саши, целыми днями пропадает. Саша, вы не сердитесь, что он ушел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.